

Эмили Кокс Николь Аллен

По ту сторону

разлуки

18+

Эмили Кокс
Николь Аллен
По ту сторону разлуки
Серия «Суперпроект»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74386211

По ту сторону разлуки. роман: Азбука, Издательство АЗБУКА; СПб;

2026

ISBN 978-5-389-34591-1

Аннотация

Звезда школьной футбольной команды Маркус Миллер мечтал о Стэнфорде. Но отказался от всего – от стипендии в университете, родного дома и спокойного будущего – ради Мэй Ли, девушки, которую преследует опасный человек, связанный с китайской мафией. Теперь влюбленные скрываются под вымышленными именами, ютятся в мотелях и пытаются жить одним днем. Но внешние угрозы – не главное препятствие. Отношения молодых людей дают трещину: Маркус все чаще спрашивает себя, не слишком ли высокую цену он заплатил, а Мэй боится, что однажды проснется и поймет – любимый возненавидел ее за отнятые возможности.

Когда вокруг рушатся все опоры, а опасность подстерегает на каждом шагу, люди часто оказываются перед выбором:

продолжать бороться за свое счастье или разбежаться навсегда, чтобы спасти хотя бы себя.

Эмили Кокс и Николь Аллен создали цепляющую историю для поклонников эмоциональных YA-романов Колин Гувер, криминальных драм Карен Макманус и звенящей прозы Хлои Уолш.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эмили Кокс, Николь Аллен

По ту сторону разлуки

Emily Cox and Nicole Allen

THE OTHER SIDE OF APART

Copyright © 2025 by Emily Cox and Nicole Allen

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency All rights reserved

© А. А. Ягодина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Эмили Кокс Николь Аллен

По ту сторону разлуки

Санкт-Петербург

Глава 1

В утреннем тумане мигают красные и синие огни, окрашивая его в фиолетовый цвет. Небо – сплошной синяк. Я сжимаю руль и оглядываюсь – нас догоняет полицейская машина.

Неужели это происходит со мной? Стиснув зубы, смотрю вперед, надеясь, что это не по нашу душу, но сирена воет, требует остановиться. Мы покинули Сан-Франциско всего три часа назад – и уже попались. Полиция опознает нас. Или мотоцикл. Или и то и другое. А если один из копов откроет сумку Мэй, то обнаружит коробку из-под тампонов, набитую украденными бриллиантами.

Я чертыхаюсь, замедляю ход и выруливаю на обочину.

Мэй крепче обнимает меня:

– Почему нас остановили?

С трудом сглатываю подступивший к горлу ком, мотаю головой, пытаюсь прогнать панику, и лихорадочно придумываю, что сказать полицейскому, как выкрутиться. Одно неверное слово – и меня в наручниках отвезут назад к отцу. А Мэй депортируют на Тайвань. Или, что еще хуже, отправят к родителям. К Нику! Нет! Этому не бывать!

– Но ты ведь не гнал. – Слетевшие с ее губ слова повисают в воздухе.

Ужас, от которого мы так старательно пытались скрыться, все-таки нас настиг. Я снова качаю головой, смотрю на полицейскую машину и шепчу через плечо, успокаивая Мэй:

– Без понятия, что случилось. Просто... не снимай шлем.

Только шлемы смогут нас защитить, если отец уже разослал ориентировку с нашими фотографиями и номером байка.

Дверь патрульной машины хлопает, хрустит гравий, но я упрямо смотрю вперед. На выжженную солнцем трассу, на двойную сплошную. Мы давно должны были миновать этот поворот. Но отец нашел нас. Еще мгновение, и я снова потеряю Мэй. Ноги наливаются свинцом.

– Привет, ребята, – здоровается женщина-полицейский, подходя с правой стороны. – Снимите, пожалуйста, шлемы.

В голове – фейерверк проклятий! Возьму с ремешком и стягиваю шлем – теперь я будто голый. Мэй игнорирует

просьбу. Женщина молчит – прожигает меня взглядом. Она точно получила ориентировку. Сейчас наверняка сравнивает мое лицо со снимком, сканирует каждую черту. По крайней мере, женщина еще не увидела, что лицо Мэй в синяках. На вопросы, которые возникнут, стоит моей девушке снять шлем, я отвечать не могу и не хочу.

– Я превысил скорость? – Голос у меня хриплый и прерывистый.

Ветер уносит мои слова, волосы лезут в глаза.

– Нет, все нормально. Просто ваша сумка закрывает номер.

Женщина-полицейский указывает на сумку Мэй, висящую позади байка.

– Ой, точно! Извините.

Разворачиваюсь на сиденье, секунду мешкаю: если коп увидит временный номер, то пробьет его по базе и отец узнает, где мы. Я не успеваю ничего придумать – Мэй уже дергает сумку. Теперь нам точно нужно убираться из Калифорнии. И срочно.

Женщина смеется. Я всматриваюсь в ее лицо, пытаюсь уловить хоть одну подсказку, как выкрутиться из этой ситуации. Но вариантов нет. Справа – крутые холмы и лес. Слева – обрыв и беснующийся под ним океан.

– Обещаю не арестовывать, – шутит она. – Но права и техпаспорт придется показать.

Последняя надежда на спасение разбивается о страх. Я от-

рываю пальцы от руля и, словно в замедленной съемке, тянусь к заднему карману.

– Я... не знаю, где техпаспорт... – Произношу эти слова нехотя, словно глотаю металлическую стружку. Протягиваю права.

– Новый мотоцикл?

Киваю:

– Подарок на выпускной.

– Повезло, – улыбается она. – Техпаспорт я сейчас сама найду в системе.

Женщина забирает права, затем поворачивается к Мэй. Сердце бешено колотится в груди. Шлем Мэй прикрывает большую часть синяков, но не гематомы на челюсти и шее.

– Куда направляетесь?

Вопрос адресован Мэй, та откликается мгновенно:

– Едем вдоль побережья, а потом на восток. Отмечаем окончание школы. Наконец-то!

В голосе Мэй звучит легкость и беззаботность. Как будто она уже не раз смотрела в глаза полицейским и делала вид, что все в порядке.

– Поздравляю, – улыбается женщина.

Она бросает взгляд на мои права, на лицо Мэй, потом смотрит на побережье. Тучи уже собираются над океаном и угрожающе движутся в нашу сторону.

– Поезжайте осторожнее. Буря надвигается.

Ну конечно! Наверняка ураган. Не удивлюсь, если и его

папа организовал.

– В пятнадцати километрах отсюда есть придорожный мотель. На вашем месте я направились бы туда. Ездить на мотоцикле в такую погоду – себе дороже. – Она похлопывает моими правами по бедру. – Подождите немного. Сейчас проверю права, и вы свободны.

Женщина идет обратно к машине с мигалками, а я закрываю глаза. Лучше уж ехать напрямик в бурю, чем сидеть на обочине в ожидании неизвестно чего.

– Пронесло, – шепчет Мэй у меня за спиной.

Я вяло киваю, глаза опущены. Она прижимается ко мне.

– Все хорошо?

Секунду я молчу, потом снова киваю:

– Да. Просто... это еще не все. Если отец нашел мою записку, мы попались.

Спиной чувствую, как Мэй напрягается.

– Какую записку?

Волны вдалеке бьются о скалы. Океан бушует так же, как чувства у меня внутри. Мы с Мэй так и не успели обсудить события, произошедшие между нашей встречей у матушки Гуо и моей ссорой с отцом.

– Если кратко – он посадил меня под домашний арест, а я сбежал, оставив записку.

– Домашний арест?

– Он видел наши с тобой фотографии. В телефоне Ника. Мимо с грохотом проносится фура, поднимая клубы пы-

ли, и я сильнее вжимаю пятки в землю, стараясь не потерять равновесие и не свалиться вместе с мотоциклом.

– Что?..

– Да...

Смотрю на океан, который взволнован не меньше меня.

– Он знает о нас. И о вашей связи с Ником.

А вот какая эта связь – хороший вопрос.

– Маркус, я не...

Качаю головой. Сейчас не время и не место для подобных разговоров. Пока я думаю над ответом, дверь патрульной машины снова хлопает. Коп идет к нам, мое сердце бешено колотится.

– Все в порядке, – сообщает она и протягивает мне права.

Ощувив невероятное облегчение, прерывисто выдыхаю. Выдавив из себя улыбку, засовываю права обратно в бумажник. Женщина взглядом окидывает Мэй, пристально изучает шею. Замечает синяки. Благодарю копа, торопливо надеваю шлем и завожу двигатель.

Женщина-полицейский достает из кармана рубашки визитку и протягивает ее Мэй.

– Если что-нибудь понадобится, позвони по этому номеру.

Мэй берет визитку. Коп возвращается к машине. Она думает, что синяки на шее Мэй – моих рук дело. Ей невдомек, что в них и кроется причина нашего побега.

Завожу двигатель. Мэй сцепляет руки в замок у меня на

груди. Я выруливаю обратно на шоссе, пытаюсь выровнять дыхание. Мне нужно совладать со злостью, замешательством и болью, которые меня переполняют. Мы потратили на эту остановку двадцать минут. На двадцать минут больше, чем можем себе позволить. Стиснув зубы, я каждую пару секунд поглядываю в зеркало заднего вида – нет ли новых неприятностей?

С каждым километром, оставленным позади, в голове становится чуть тише – будто ветер уносит панику прочь. Я ощущаю Мэй. Тепло ее тела меня расслабляет. Она здесь. Мы вместе. Я не потерял ее. И сделаю все, чтобы подобного никогда не произошло. Ее новая жизнь будет идеальной. Я приложу для этого все силы. И у Мэй никогда не будет причин уйти.

Небо пронизывает молния. Раскат грома прерывает мои размышления. Тучи ливнем обрушиваются на нас. Я подаюсь вперед и сбрасываю скорость.

Мэй прижимается ко мне, перекрикивая бурю:

– Нам нужно где-то укрыться!

Но мы все еще недостаточно далеко. Хочется мчаться вперед, все дальше и дальше – не останавливаться до самого Сиэтла. Пока всю недосказанность не развеет ветер и не смоет дождь. Я надеялся, поездка поможет собраться с мыслями. Но если не остановлюсь, то потеряю управление, а я чертовски устал от собственного бессилия.

Капли дождя стекают со шлема, перекрывая обзор. Ста-

раюсь найти место, где можно переждать бурю. Вдалеке, на пляже, замечаю покосившуюся спасательную будку¹, резко сворачиваю с шоссе и мчусь по мокрому песку к ней. Мэй прижимается ко мне. Мотоцикл с ревом останавливается у строения.

Заталкиваю байк под навес, срываю шлем и вешаю его на руль. Одной рукой я держу сумки, другой – сжимаю ладонь Мэй. Мы взбегаем по лестнице. Поворачиваю ржавую ручку и наваливаюсь на дверь, та со скрипом открывается. Мы оказываемся внутри и вздрагиваем, когда дверь захлопывается, погружая нас в темноту. В воздухе висит запах гниющего дерева и ржавого металла. Надеюсь, здесь никто не живет.

В углу, рядом с потрескавшимися пластиковыми стульями, валяются задереженевшие полотенца. Пустые пивные банки перекатываются по полу, их гоняет сквозняк. Пахнет застарелой мочой и водорослями, но я все равно бросаю сумки на пол, как якоря, привязывающие нас к этой реальности, – никогда не мечтал оказаться в подобном месте, но я слишком устал, промок и замерз, чтобы искать что-то лучше.

С чего мы вообще взяли, что все сработает? Нам предстоит еще десять часов провести в дороге, но у нас нет этих десяти часов: отец вот-вот узнает, что я уехал, и вышлет кого-то за нами. Если только Ник не сыграет на опережение.

¹ *Спасательная будка* – деревянная или металлическая конструкция, обычно приподнятая над землей на сваях (от 1,5 до 3 метров), которую часто можно встретить на американских пляжах. – *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

Даже если он в тюрьме, это не помешает его людям разыскать нас.

Рядом со мной Мэй непослушными пальцами возится с застёжкой у горла, дрожа всем телом. Протягиваю руку, расстегиваю ей шлем и осторожно снимаю. Ее лицо очерчено узкой полоской света, пробивающейся сквозь сломанные ставни.

– Все хорошо? – заботливо спрашиваю я.

Она кивает, встречаясь со мной взглядом.

Мне хочется обнять ее, прижать к себе, но она вся дрожит, зубы стучат. Отгоняя навязчивые мысли, я расстегиваю сумку и начинаю в ней рыться. Ветер тем временем пытается сорвать кусок алюминиевой крыши нашего пристанища.

Протягиваю Мэй сухую толстовку. Она берет ее и прижимает к груди. Качаю головой:

– Это безумие. Что мы вообще здесь делаем?

– Ну... по крайней мере, внутри нет урагана.

Ее голос звучит нарочито бодро, будто она пытается сгладить углы – сделать вид, что все в порядке. Но это не так. Велика вероятность, что «в порядке» уже ничего никогда не будет.

– Да, но ты замерзла. И вымотана. И мы... здесь.

Застреваю в паутине из мыслей – нам с Мэй многое нужно обсудить, но кое о чем говорить пока все же не стоит, – и сейчас мне не под силу в этом разобраться. О том, чтобы сделать все идеально, и речи быть не может – все летит к

чертям уже двенадцать часов подряд.

Мэй вглядывается в мое лицо.

– Маркус, ты не обязан вмешиваться. Я могу...

– Ты устала. И вся промокла.

Мой взгляд скользит по ее лицу, потом вниз – по полу, по треснувшим доскам, затем вверх – по стропилам, торчащим под потолком.

– В ближайшее время мы никуда не поедem. Устроим тут привал, чтобы ты могла немного отдохнуть, после того как переоденешься.

Только, пожалуйста, не заводи разговор о нерешенных проблемах. Я пока не знаю, как с ними разобраться.

Я тянусь к спасательному плоту, свисающему с прогнившей деревянной балки, – он шлепается на присыпанный песком пол. Нащупываю клапан и поворачиваю его. Плот с шипением надувается, заполняя собой часть и без того крохотного пространства.

– Я подожду снаружи.

Поворачиваюсь и тянусь к дверной ручке, но замираю, когда Мэй произносит мое имя:

– Маркус! Там льет как из ведра.

– Ничего. Все равно сильнее промокнуть уже не получится.

Боюсь, что мои чувства вырвутся наружу, все, что накопилось за время поездки, – и это хуже, чем промокнуть под дождем.

– Маркус? – совсем тихо окликает Мэй.

Я оборачиваюсь, стоя уже одной ногой за порогом.

– Спасибо.

У меня из горла вырывается смешок.

– За то, что привез тебя в эту дыру?

– Нет. За то, что дал мне почувствовать себя в безопасности. Здесь отвратительно, не спорю. И все же тут лучше, чем во всех тех местах, где я побывала за последние недели.

Уставившись в пол, сглатываю, киваю и выхожу на узкий настил. Прижавшись к стене под нависающей крышей, я откидываю голову назад и закрываю глаза. Мозг гудит, тело вибрирует, дергается, стремясь снова оказаться в пути. Хочу мчаться дальше, дальше от Сан-Франциско. Сколько времени потребуется отцу, чтобы нас найти? Не откажется ли от нас брат матушки Гуо, если мы не приедем сегодня вечером? Как помочь Мэй? О чем стоит поговорить? Что из разговоров оставить на потом? Ясно одно: все, с чем мы не разобрались до нашего бегства, рано или поздно придется рассказать друг другу.

Дрожа, я снимаю промокшую рубашку, перебрасываю ее через шаткие перила и начинаю считать: до тридцати, до шестидесяти, до девяноста. Потом захожу обратно, молюсь, чтобы Мэй уже переделалась. Когда глаза привыкают к полумраку, замечаю, что она лежит на плоту в моей толстовке, подтянув ноги к груди. Спит.

В тепле.

В безопасности.

Я так рад чувствовать ее рядом. Ей стало спокойно. Она смогла уснуть. Один из нас точно должен поспать, и это явно не я: в голове слишком много мыслей. Сколько я уже бодрствую? Два дня? Не знаю. Я так многого не знаю. Например, что творится в голове у Мэй после всего случившегося. У меня проносятся сотни «а если?» и «почему?», и я не успеваю за ними уследить. Их сменяют страх и неожиданная злость. Они все заполняют собой, вытесняя здравый смысл.

Мне становится настолько душно, что я сбрасываю промокшие кроссовки, тянусь к ручке и выскакиваю из будки – туда, где больше воздуха и пространства. Бегу вниз по лестнице, сжигая накопившуюся энергию и эмоции: злость на отца за его ложь, вину за то, что я ушел. Страх, что в телефоне Ника оказались наши с Мэй фотографии. Тревогу, накопившую во время бешеной гонки на мотоцикле в попытке вырваться из нашей прежней жизни. Растерянность оттого, что нашел Мэй у матушки Гуо совершенно сломленной, – когда она оставила меня ради Ника. Отвращение к себе за то, что был на выпускном с другой девушкой, пока Мэй избивали. И побои – не самое худшее, что с ней могло произойти.

Срываюсь на бег, дождь хлещет по лицу и заливает глаза. У кромки воды я останавливаюсь. Все накопившиеся чувства расползаются внутри, смешивая свет с тьмой, спокойствие с безумием, готовность бороться с желанием сдаться. Когда я нашел ее у матушки Гуо, то окунулся с головой в

мир Мэй – и сразу же наткнулся на новые преграды. Все еще пытаюсь нащупать почву под ногами, удержать равновесие, но, может, я просто слишком стараюсь. Может быть, когда я увидел ее там, у Гуо, то сделал выбор чересчур быстро. Не разум нас сюда привел, а черед спонтанных решений. Может, я отчаянно цепляюсь за то, что никогда и не было по-настоящему надежным. Может, я вообще не должен находиться здесь и мне не суждено быть с Мэй.

Глава 2

Когда будку сотрясает раскат грома, я открываю глаза. Моргаю, пытаюсь привыкнуть к темноте. Осматриваюсь и понимаю, что Маркуса нигде нет. Я не помню, как заснула, и не знаю, сколько времени прошло. Спрыгиваю на пол, но теряю равновесие и хватаюсь за стену в попытке удержаться на ногах. Последнее воспоминание – Маркус вышел на улицу, чтобы я смогла переодеться. Вряд ли он все еще сидит на узеньком настиле. Но возможно, он передумал бежать со мной и вернулся в Сан-Франциско. У меня нет права ни в чем его винить.

Хочу выглянуть на улицу, иду к двери и спотыкаюсь о кроссовки Маркуса. Облегченно выдыхаю. Он все еще здесь.

Выхожу, смотрю под навес, на лестницу, затем на горизонт – и замечаю Маркуса вдали на пляже. Он стоит без рубашки, по колено в бушующих волнах. Его кожа покраснелась на холоде и блестит от капель, пальцы сцеплены в замок на затылке.

Внутри будки сухо и тепло, но я бросаюсь в эту сырость: несусь вниз по мокрой лестнице, затем босиком по песку – к Маркусу. Дождь хлещет по лицу и голым ногам. Спина Маркуса напряжена, мышцы сдерживают все, что он пытается подавить. Я останавливаюсь. Не знаю, стоит подойти ближе или дать ему время побыть одному. Может, тишина – это то, что ему сейчас необходимо. Вдруг он жалеет, что оставил все ради меня.

Мои страхи прорываются наружу, придавая голосу силу. Я зову его по имени, перекрикивая ветер. Маркус оглядывается. Его мокрые волосы прилипли ко лбу, с ресниц капает.

– Тебе не обязательно ехать дальше со мной, – начинаю я. – Я могу...

Маркус разворачивается ко мне всем корпусом:

– Мэй, не надо.

Я судорожно сглатываю и обхватываю себя руками в тщетной попытке согреться. Одежда снова промокает насквозь.

– Что не надо?

– Пытаться избавиться от меня.

Я качаю головой:

– Речь о другом...

– Я здесь, потому что это мое решение. Я хочу быть здесь. С тобой. – Он перекрикивает грохот волн.

– Просто напоминаю: ты не должен отказываться от своей жизни ради меня.

– «Должен» – это первое слово, которое пришло тебе на ум? – Маркус сжимает челюсть, отводит взгляд.

– Ты думаешь, что должен меня защищать! – выкрикиваю я. – Но это не так. Это не твоя ответственность.

– Ой, точно. Ты права. – Он кивает, а его взгляд приковывает меня к месту. – Мне просто нужно смириться с тем, что Ник с тобой сделал. Потому что он без пяти минут твоя семья и все такое. Да, извини. Я забываю иногда, какой он замечательный, глядя на сине-фиолетовые следы любви, которыми он разукрасил тебе лицо.

Я не успеваю ответить, Маркус продолжает.

– Почему ты ушла? – Он щурится, защищаясь от мелких капель дождя. – Мы бы справились. Да, я был зол и наговорил лишнего тогда, на Базе, но мы бы разобрались со всем. Ты не вернулась бы к Нику, и мы не оказались бы здесь.

– Маркус, я не возвращалась к нему. После того как твоя бабушка застала нас, я испугалась. Я решила, что все испортила. Мне было ужасно стыдно, и я убежала домой. Я хотела позвонить тебе, но Ник уже поджидал меня. Он знал о тебе. Угрожал навредить, если мы продолжим общаться или если я не поеду с ним в Лос-Анджелес. – Смахиваю слезы. –

Я сказала баба², что не хочу ехать. Но мне не дали выбора. В глубине души я догадывалась, что эта история плохо кончится, но не могла ничего сделать. Это была западня.

Взгляд Маркуса напряжен, это видно даже сквозь туман.

– Почему ты не призналась мне? – Голос у него хриплый. – Если бы я знал, что происходит, я бы разбился в лепешку, но помог тебе сбежать. И вовсе не потому, что обязан. Я звонил и писал после того, как ты ускользнула в тот вечер. Но ты не отвечала. В конце концов я решил, что ты порвала со мной.

Острая, обжигающая боль пронзает меня.

– Я хотела позвонить тебе. Но какой смысл? Если нам все равно не быть вместе, зачем еще сильнее втягивать тебя в свою жизнь? Зачем мучить себя, удерживать того, с кем нет будущего? И Ник наверняка навредил бы тебе.

Маркус вскидывает руки:

– Знаешь, если бы на меня напали и избили до полусмерти, это было бы в миллион раз легче, чем гадать: поговорю я с тобой еще хоть раз или нет. А самое ужасное – если бы я не побежал искать тебя после выпускного бала и не нашел у Гуо, ты просто исчезла бы из моей жизни. И я никогда...

Он умолкает, когда я прижимаю руку к груди. Я стараюсь не задыхаться после слов про выпускной бал. Конечно, он пошел на бал и продолжил жить дальше. Почему меня так это удивляет? Ранит? Я же сама разрушила наши отношения. И все же хочется сорваться и побежать прочь, чтобы изба-

² Баба (ит. bàba) – ласковое разговорное обращение детей к отцу.

виться от образа Маркуса с другой девушкой.

Он ругается себе под нос:

– Мэй, на бал меня пригласили. Я не отказался. – Он так спокойно произносит эти слова, наблюдая, как по моим щекам текут слезы. – Может, я думал, что, как и ты, готов двигаться дальше. Или мне понравилось, что девушка проявила инициативу, а не избегала меня. Или я тоже просто хотел причинить тебе боль. Не знаю. Это не важно. Потому что пока я вел с тобой беседы в своем воображении, желая хоть как-то заполнить пустоту, в реальной жизни над тобой издевался Ник. Этого не должно было случиться.

Напряжение в воздухе растет, лицо Маркуса блестит от дождя. Я придумываю ответ, но его вопрос останавливает поток моих мыслей:

– Что ты чувствуешь ко мне?

Волны в океане ревут и вздымаются, но Маркусу все ни-почем. Он словно окаменел, не сводит с меня пристального взгляда и продолжает:

– И была ли это любовь? Или я все придумал, потому что слишком сильно хотел с тобой отношений? – Он ругается на грозное небо, проводит ладонями по лицу, потом снова смотрит на меня. – Просто скажи что-нибудь. Что угодно. Я боялся, у нас больше не будет возможности поговорить. И вот мы здесь – я устал скрывать то, что хотел высказать последние несколько недель. Держать это в себе становится невыносимо. Весь день я молчал, но больше не могу. Мне

нужно знать, что между нами происходит.

Волна бьет Маркуса со спины. Он пошатывается, делает шаг в сторону, чтобы не упасть. Затем запрыгивает на камень, торчащий из воды, смахивает с лица дождь и соленые брызги.

– Мэй, ты с самого первого дня свела меня с ума, перевернула всю мою жизнь! – кричит он, а тучи сгущаются, обрушивая на нас новые потоки дождя. – Когда ты ушла, я пытался собрать себя по кусочкам. Не вышло. Пусть мой отец – законченный лжец, но он был прав насчет женщин. Они могут сломать мужчину. Но я счастлив, что мое сердце разбила именно ты. Это в миллиард раз лучше, чем быть неуязвимым и одиноким. – Голос у него дрожит. – Я до безумия рад: ты цела, ты со мной и мы вместе уехали из Сан-Франциско. Больше всего на свете мне хочется, чтобы ты забыла боль, которую причинил тебе Ник. Но я не могу ее забрать, не могу изменить прошлое. Не знаю даже, что тебе сейчас нужно. Что мне сделать или кем стать. Понятия не имею, какие чувства ты испытываешь, но очень хочу знать.

Сердце колотится в такт ветру и волнам. Ливень стихает. Я делаю шаг к бушующей воде, рука прижата к груди.

– Хочешь знать, что я чувствую? – кричу я, и правда наконец-то вырывается наружу, рассеивая бурю. – Моя любовь здесь. Я запрятала ее так глубоко, чтобы никто не смог ее ни найти, ни отнять. Она моя и останется со мной навсегда, пусть даже это неправильно.

– Почему неправильно? – Голос Маркуса звучит устало, осторожно.

– Потому что я – катастрофа. До моего появления у тебя в жизни все было хорошо.

– Нет, – он спрыгивает с камня и подходит ко мне, оставаясь всего в нескольких шагах, – после нашего разрыва моя жизнь потеряла смысл. Потому что все, чего я хочу, – это ты. Так будет всегда. Я буду счастлив, если ты продолжишь сводить меня с ума до конца наших дней. Я хочу быть рядом. И мне плевать на Ника, на прошлое, на запреты и разрешения. – Он подходит ближе, капли дождя стекают по его мокрому волосам. – А ты? Чего хочешь ты? Что чувствуешь? Тебе хорошо или плохо? Только, прошу, не отгораживайся от меня снова. Хочу знать о тебе все.

Но я качаю головой, уставившись в песок.

– Мое сердце сейчас разорвется.

Маркус прямо передо мной, я кожей ощущаю тепло его тела.

– Скажи. Пожалуйста, – шепчет он, я слышу его даже сквозь бурю. – Чего ты хочешь?

Поднимаю взгляд. Волны за лодыжки тянут меня в океан, но я твердо стою на ногах, удерживаемая нарастающим напряжением.

– Я хочу тебя. И больше ничего. Только о тебе и думаю.

– И ты хочешь, чтобы мы вместе пережили все, что нам уготовано? У нас впереди неизвестность.

– Да. – Я сжимаю зубы, чтобы они перестали стучать от холода, смотрю на песок, потом опять на Маркуса. – Я хочу пережить с тобой все.

Порыв ветра уносит всю тяжесть и неуверенность. Отчаяние бесследно исчезает из глаз Маркуса, словно облака на небе развеиваются и остается только привычная синева.

– Тогда мы будем вместе. Я понял это, когда повстречал тебя. Что бы ни случилось дальше, прошлое мы оставим позади. Два дня назад я думал, между нами все кончено. А теперь ты снова моя, и я не позволю никому причинить тебе боль или разлучить нас.

Капли дождя дрожат на ресницах Маркуса, стекают по носу.

Меня трясет от холода в промокшей толстовке. Голые ноги и ступни околели, но все мое существо тянется к Маркусу, от него словно исходит теплый свет. Он стоит напротив меня посреди бушующего океана под грозным небом. Я и мечтать не смела, что когда-нибудь снова увижу его так близко. Думала, у меня останутся только воспоминания, а потом тьма Ника поглотит все. Однако мы здесь. Песок, шторм, недомолвки и открытые раны не дают нам сдвинуться с места. Но раны заживут. А в отношениях все наладится. Маркус уверен в этом. Я читаю это в его глазах и надеюсь, что он прав.

Он отводит взгляд от плачущего неба, которое, кажется, просветлело, когда наша ссора утихла. Его ладонь мягко

скользит по моей шее к затылку, носы соприкасаются. Губы Маркуса совсем близко, а между нами застыли невысказанные слова.

– О чем ты думаешь сейчас? – спрашивает он, все еще крепко обнимая меня.

Мои руки скользят по его обнаженной груди, плечам, вниз по рукам, сжимают предплечья. Я зарываю в песок онемевшие пальцы ног в попытке сохранить равновесие.

– Думаю... мы попадали в разные безумные ситуации, но эта, пожалуй, самая странная из всех. И самая холодная.

Ни за что не скажу вслух, о чем думаю на самом деле. Когда я стою так близко к Маркусу, мысли выходят из-под контроля.

– Ты уверена, что это самая странная история? – ухмыляется он, притягивая меня ближе.

Открываю рот, но из него не вылетает ни звука. В этот момент небо рассекает молния. Следом гремит гром. Я вскрикиваю, поворачиваюсь и бегу назад в спасательную будку.

– Быстрее! – кричу я через плечо, пока Маркус бросается за мной. – Не хватало, чтобы в нас еще и молния ударила!

У меня вырывается прерывистый дикий смех. Поравнявшись со мной, Маркус берет меня за руку.

Мы несемся в укрытие сквозь завесу дождя. Маркус тянет меня за собой по лестнице, толкает дверь плечом. Она тут же захлопывается за нами, оставляя бурю за порогом. А мы погружаемся в темноту.

Стоя посреди будки, переводим дыхание. А потом Маркус обнимает и прижимает меня к груди. Мы оба дрожим, с нас стекает вода, под ногами образуется лужица. Его ладонь лежит у меня на затылке, а пальцы зарываются в мокрые волосы. Я одновременно дрожу от жара и холода.

Рука Маркуса скользит по моей спине, притягивая ближе. Мы стоим в темноте, неподвижные, безмолвные. Он прижимается своим лбом к моему. Наши носы встречаются.

– Привет, – шепчет он.

– Привет. – Я не могу оторвать взгляд от его глаз, блестящих в тусклом свете.

Он глубоко, медленно вдыхает, затем припадает губами к моему лбу.

– Знаешь, я много всего наговорил там, на пляже, но на случай, если ты не расслышала главное, хочу повторить. Это самое важное, что я когда-либо тебе скажу.

– Тебя позвали на Марс заниматься межгалактическим садоводством?

– Почти.

По моему телу бегут мурашки от его шепота.

– Без меня на выпускном делать было нечего?

– Однозначно да. Но я сейчас не об этом.

– Ты на самом деле предпочитаешь «Твиззлерс»?³

– Точно нет, – выдыхает он и берет мое лицо в ладони. – Я тебя люблю.

³ «Твиззлерс» – американские жевательные конфеты.

Мои пальцы сжимают его запястья, и я закрываю глаза. Искренность Маркуса раскрашивает сердце яркими красками на фоне серой, выцветшей реальности.

– Я тоже тебя люблю, – отвечаю я (не первый раз с нашей встречи, но впервые с тех пор, как мы получили второй шанс). – Уже три месяца и двенадцать дней. И вряд ли перестану любить.

Он шумно выдыхает:

– Я так хочу тебя поцеловать.

– Ты даже не представляешь, как я хочу, чтобы ты это сделал.

Губы Маркуса прижимаются к моим, соленым и холодным, но податливым; его жар окутывает нас целиком.

Притягиваю Маркуса ближе – не позволю этому дню отнять у нас больше ни минуты.

– Как же я скучал по тебе, – выдыхает он, когда мы отрываемся друг от друга, но прежде, чем я успеваю ответить, Маркус снова отдается поцелую.

По телу разливается тепло. Наш поцелуй подобен буре за окном – яростный, неукротимый, бушующий, пронизанный электрическими разрядами.

– Не хочу отпускать тебя ни на секунду. Я...

Его поцелуй долгий, глубокий, будто ему хочется забрать себе каждую частицу меня.

– Хочу быть... – его губы касаются моих век, лба, – как можно ближе к тебе...

Он снова увлекает меня в поцелуй, а я почти запрыгиваю на Маркуса.

– Больше никакой дистанции, – шепчет он, разворачивая меня и прижимая к двери.

Но своей резкостью вдруг напоминает мне Ника. Я постаралась забросить тот вечер в отеле в самый дальний уголок сознания, надеясь, что со временем все забудется. Пытаюсь не впадать в панику, но она вырывается, бьет меня, как молотком. Сознание накрывает ужас: тяжесть, с которой Ник обрушился на меня, темнота, бешеный стук сердца, грубые руки. Я сжимаю кулаки в попытке отогнать эти образы, но тело предательски вздрагивает. Маркус отстраняется от меня, вскинув руки:

– Прости. Мэй, я... – Гремит гром, вспышка молнии освещает комнату. Он чертыхается, отступая еще на шаг. – Не подумал. Извини.

Жар сменяет холод, который пробирает до костей.

– Мэй, прости, пожалуйста, – повторяет Маркус, глядя в потолок, и ерошит мокрые волосы. – Мне не стоило... даже начинать. Все такое неправильное – момент, погода, этот сарай...

Он и его слова кажутся далекими даже внутри этой крошечной будки. Слезы текут у меня по щекам, смешиваясь с каплями дождя.

– Мы насквозь мокрые, ты замерзла. Тут все просолено и кишит бактериями... – Ветер, воющий сквозь щели, уносит

его неуклюжую попытку разрядить обстановку. – Да и тебе больно. А я... не подумал об этом.

Жмурюсь, злюсь на себя за то, что позволила воспоминаниям о Нике испортить даже этот момент.

– Ты не сделал ничего плохого. Мне просто... да, здесь холодно. Аж зубы стучат. Мы промокли.

Я ни в чем не соврала, но мне нужно время, чтобы справиться с мыслями. Хочу понять, что произошло в голове и теле. Но точно не хочу прокручивать воспоминания сейчас, особенно под пристальным взглядом Маркуса. Если он узнает историю от начала до конца, то будет держать дистанцию. Побоится даже коснуться меня, и этот страх останется с ним навсегда.

Маркус натягивает сухую футболку, приглаживает растрепанные волосы. Он больше не смотрит в мою сторону и, когда начинает разговор, обращается куда-то в пустоту:

– Непохоже, что в ближайшее время шторм стихнет. Раз уж ты промочила мою любимую толстовку, держи ту, которую я люблю чуть меньше. – Он протягивает мне худи, и я принимаю. – Я выйду поменять шорты, а ты пока тоже переоденься. А потом... наверное, попробуем поспать, да?

Маркус вытаскивает из кучи одежды в центре плота шорты и направляется к выходу, избегая моего взгляда.

– Плот в отличном состоянии. Даже если нас затопит, пока будем спать, – не утонем.

Дверь за ним закрывается, и я быстро переодеваюсь в

сухую одежду, а мокрую вешаю на стул. Пару минут спустя Маркус заглядывает ко мне, спрашивая, закончила ли я. Киваю. Он заходит, бросая мокрые шорты на стойку, осторожно забирается на плот, растягивается на спине. Я заползаю к нему и устраиваюсь рядом. Нас окутывает пелена неловкости и уныния. Как бы мне хотелось отмотать время назад, стереть ту панику, вызванную его близостью. Он не Ник. Он никогда не причинил бы мне вреда.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает он, сложив руки на груди. – У тебя жуткие синяки.

– Все хорошо. Честно.

Маркус кивает, и между нами повисает тягостное молчание.

– Я бы хотел стереть их, – снова подает голос он. – Вместе со всеми плохими воспоминаниями.

А я лежу и злюсь на себя. У нас почти все наладилось, мы были так к этому близки, но я позволила призраку Ника вмешаться.

– Хочешь поговорить об этом? О том, что случилось? С Ником?

Его голос мягко окутывает меня. Мне хочется быть с ним откровенной. Он должен знать, что ни в чем не виноват, что моя реакция никак не связана с его действиями. Хочется вскрыть память и показать Маркусу все произошедшее в картинках, а не описывать это словами. Я бы распахнула и грудную клетку, чтобы он убедился, насколько сильны

мои чувства к нему. Но тогда он заметил бы и остатки тьмы, таящиеся внутри. Это может изменить наши отношения, и, честно говоря, я не в силах предугадать его реакцию. Поэтому будет лучше для нас обоих, если я оставлю страх при себе, пока он сам не рассосется.

Качаю головой, уставившись в потолок:

– Давай сделаем паузу в этом разговоре. Пока хватит, хорошо?

– Да. Конечно, – вяло отзывается он, потом прочищает горло.

Ветер сотрясает будку, дождь хлещет в окна, напряжение висит в воздухе. Но все уходит на задний план, когда Маркус берет мою руку в свою, переплетая наши пальцы.

Закрываю глаза, сосредотачиваясь на тепле наших ладоней. Касание Маркуса успокаивает. Разум отпускает ситуацию, но ветер, задувающий в укрытие через щели, проникает и в мою голову. Он поднимает в памяти и кружит события последних двадцати четырех часов. Я сильнее прижимаюсь к Маркусу, утыкаюсь в его плечо в надежде спрятаться.

Он поворачивается, обхватывает меня руками, притягивая к себе, и мы сползаем в центр плота. От его футболки пахнет мятой и кондиционером для белья – я вдыхаю этот аромат, борюсь с мыслями, уносящими меня прочь. Сквозь них доносится голос Маркуса, и я цепляюсь за эти слова.

– Мэй, я люблю тебя.

Глава 3

Мы будем на месте через десять минут.

Мэй кричит через плечо, чтобы я свернул на следующем съезде. Я перестраиваюсь и съезжаю с шоссе в ту сторону, где живет брат матушки Гуо. Огни Сиэтла мерцают в воде, бросают отблеск в небо и застревают в тумане – где-то там повисает и моя надежда, что нам откроют дверь в час ночи. Мы покинули спасательную будку десять часов назад и все это время провели в пути – в борьбе с дождем, темнотой и ветром. Как будто сама природа решила сделать за отца грязную работу – помешать нам.

Мэй следит за маршрутом. Матушка Гуо расписала его на оранжевом стикере, после того как я ворвался в ее магазин

и объявил, что отправлюсь с Мэй в Сиэтл. Матушку Гуо не удивило мое решение, она как будто знала о нем с самого начала, а вот Мэй я застал этим врасплох. Интересно, что ее так поразило? У меня ведь не было выбора. И сейчас нет. Даже если теперь все немного иначе: чуть более тревожно, более зыбко. Все мокрое, холодное, напряженное до предела. Кажется, что даже крохотный камешек, попавший нам под колеса, способен перевернуть мотоцикл.

В будке я потерял над собой контроль – и эмоционально и физически. Сказал Мэй то, чего не должен был. Сделал то, чего делать не стоило. А потом увидел ее шею, покрытую синяками, и вспомнил о своем обещании не прикасаться к ней. У нее есть раны, о которых я могу только догадываться. Я должен быть полной противоположностью Ника. Во всех отношениях. И вот я чуть не облажался. Но это больше не повторится. Я схожу с ума от осознания, что Мэй так близко, что она только моя. Но мне важно, чтобы она знала: ей всегда будет безопасно рядом со мной. Ей не угрожает ничего: ни депортация, ни Ник, ни я со своими гормональными всплесками.

Мы начнем сначала. Построим свою жизнь – такую, какую захотим. И я надеюсь, что Мэй однажды расскажет мне о случившемся. Тогда мы сможем оставить все в прошлом. Я хочу убедиться, что с ней правда все в порядке. Но не знаю, как начать этот разговор, не затрагивая тяжелых воспоминаний. Папа говорил: людей ломают подобные события и они

потом ходят к психотерапевтам годами. Но я не врач, поэтому в моих силах только быть рядом и защищать Мэй от всего.

Мы проезжаем по улочкам на окраине города. Его жители готовятся ко сну, каждый в своем домике. Желтый свет льется из окон на мокрый асфальт, его отблески играют под колесами моего байка. Я хочу только одного – доехать до брата Гуо, закрыть дверь временного пристанища и оставить снаружи зло, которое могло увязаться за нами из Сан-Франциско. И одновременно не хочу. Ведь я не знаю, что нас ждет дальше. До сих пор все шло совершенно не по плану. Я слишком устал надеяться, что на этот раз будет иначе. Если нас приютят, то на сколько? На неделю? На две? На месяц? Ответит ли Стэнфорд на мое письмо? Я отправил его перед тем, как мы выбросили телефоны в мусорку, покидая Сан-Франциско. Простят ли мне то, что я отказался от полной стипендии? Предложат ли ее снова? Нужно купить новый смартфон и проверить почту.

Мэй кладет подбородок мне на плечо и дает указания:
– Поверни направо у следующего знака «стоп». Нам нужен третий дом справа.

Я киваю. Мне хочется, чтобы она продолжала вот так прижиматься ко мне, поэтому я намеренно ускоряюсь, объезжая «лежачего полицейского». Руки ноют после десяти часов за рулем. Первое время я нервничал на дороге, вел осторожно, но теперь привык к транспорту, который мы выбрали для побега.

– Кажется, это он! – кричит Мэй, указывая на дом справа от нас.

На качелях у крыльца сидит крошечная собачка. Час поздний, но шторы в окнах раздвинуты, словно сам дом нас ожидает. Я съезжаю на подъездную дорожку, глушу двигатель. Мы остаемся сидеть в тишине, будто нас приклеили к сиденью.

Смотрю на дом впереди. Мы смогли! Сделали первый шаг к совместному будущему. Но я понятия не имею, каким будет второй.

Где-то неподалеку дверь гаража открывается со скрипом. Электромобиль проезжает с жужжанием позади нас. Я бросаю взгляд на входную дверь, разминаю пальцы ног в промокших кроссовках.

– Мне страшно стучать. – Слова Мэй доносятся из-за плеча.

Не могу не согласиться. Страх – единственное чувство, доступное сейчас. Его когти уже почти впились в меня.

Я выдвигаю подножку, прячу ключ от байка в карман. Когда занесем вещи внутрь, нужно будет припарковать мотоцикл подальше от посторонних глаз. Мэй размыкает объятия. Я жду, пока она спрыгнет на землю, и делаю то же самое.

– Если мы продолжим торчать у него на подъездной дорожке, он решит, что мы странные.

Снимаю шлем. Мэй вешает свой на руль.

– Маркус... ты точно...

– Мы наконец-то добрались. Дело за малым – просто постучать.

Мне хочется обнять ее здесь, на границе между прошлым и будущим. Я встряхиваю руки (они онемели после дороги), разминаю напряженную шею. Набираю воздуха в легкие, медленно выдыхаю. И поворачиваюсь к двери.

Мэй берет меня за руку. Знакомое, успокаивающее чувство. Моя ладонь сейчас остро ощущает ее прикосновение, и мысли возвращаются к эпизоду в спасательной будке. Мы проходим мимо фонтана, окруженного миниатюрными шарообразными деревцами, мимо бронзовых статуй. Выцветшая резиновая уточка плавает в горшке с дождевой водой. Это точно тот дом. По саду видно, он принадлежит семейству Гуо. В тысячный раз жалею, что старушки нет рядом.

Наши тени расплываются на серой металлической поверхности двери. Я чувствую себя разбитым, но все же поднимаю руку и стучу.

* * *

– И это, – говорит Джерри, распахивая дверь красного домика, скрытого деревьями на заднем дворе, – ваш новый дом. Живите, сколько захотите. – Он улыбается нам и кивает. – Сестра распорядилась. Чтобы вы чувствовали тут себя как дома. Так что, надеюсь, вам нравятся шелковые подушки и фонарики, потому что Вэнь решила: они здесь будут очень

к месту.

Я обвожу взглядом комнату, в напряженные плечи врезается ремень сумки. Как дома? Здесь нет снимков Энсела Адамса⁴ на стенах, нет огромного плазменного телевизора, нет стопок отцовских книг на журнальных столиках. Самого отца тоже нет.

Идеально.

И далеко от Сан-Франциско.

Еще лучше.

Только Мэй и я.

– Очуметь! Просто идеально. Спасибо вам, – говорю я Джерри, который стоит на пороге в халате и тапочках. У него лучезарная улыбка, точь-в-точь как у сестры. – И двухъярусные кровати!

Я поворачиваюсь ко встроенным кроватям в углу. Они заправлены пуховыми оранжевыми одеялами, сверху навалены красные, белые и синие шелковые подушки. Папе точно не понравилось бы. Хотя попроси его Кенна, он, конечно бы, уступил. Я отгоняю эту мысль и улыбаюсь Джерри.

– Всегда хотел двухъярусную кровать, но делить комнату было не с кем. До сегодняшнего дня.

Теперь, когда я наконец готов разделить с кем-то не только комнату, но и постель, мы будем спать порознь. А та, с кем хотелось ее разделить, избита и перепугана до смерти.

⁴ Энсел Истон Адамс – известный американский фотограф с мировым именем, который знаменит черно-белыми снимками американского Запада.

Мне нужно сохранять дистанцию. Если Мэй окажется слишком близко, я рискую поддаться влиянию гормонов и снова нарушить свое обещание – дать ей время.

– Ванная вот там, – сообщает Джерри, указывая на крошечную дверь, в которую мне придется протискиваться боком, чтобы не застрять. – Для некоторых она будет маловата.

Он хмыкает – смешок как у матушки Гуо, когда она с нежностью подшучивает надо мной.

– Но здесь безопасно. Моя сестра очень настаивала на этом, когда просила вас приютить, а я не люблю ее злить.

Я смеюсь. Мэй благодарит его – голос у нее мягкий, беззаботный, будто она парила где-то в своих мыслях пару секунд назад и только сейчас вернулась к нам в комнату.

– Мы вам очень благодарны за крышу над головой и не останемся в долгу, – добавляет она.

Джерри кивает и делает шаг к выходу.

– День у вас был тяжелый. Ну все, оставляю вас обживаться. График работы в ресторане и на складе обсудим попозже, когда отдохнете.

У нас договоренность. Мы будем помогать в ресторане и на складе. В обмен на жилье. У меня никогда не было ни работы, ни необходимости платить за аренду. Я и за пределы Калифорнии практически не выезжал. И как меня сюда занесло?

Джерри переводит взгляд с меня на Мэй, затем обратно. Я резко киваю:

– Да. Идеально. Мы это ценим. Будем помогать вам всем, чем сможем.

Мужчина улыбается, Мэй жмет ему руку. Джерри выходит из коттеджа. Мэй закрывает за ним дверь на ключ, оборачивается ко мне, прислоняясь спиной к металлической поверхности. Потом улыбается, прикусывая нижнюю губу:

– Здесь куда приятнее, чем в будке отчаяния.

Я напрягаюсь. Меня сводит с ума ее игривый взгляд. Внутри екает, когда я вспоминаю, как еще вчера она прижималась ко мне всем телом. И как потом окаменела. Она завила меня, что просто замерзла, но я-то знаю – дело было не только в этом.

Взгляд Мэй скользит вниз по моему телу, потом обратно вверх. Я гоню мысли, которые заставляют в животе что-то трепетать. Резко вспоминаю, через что ей пришлось пройти прямо перед нашим побегом.

Я сжимаю пальцы ног в кроссовках, удерживая себя от того, чтобы не шагнуть к Мэй, не утянуть ее на кровать и не продолжить начатое в будке. Вместо этого поворачиваюсь к двухъярусным кроватям, мои щеки пылают.

– Чур, я сплю наверху!

Глава 4

МЕСЯЦ СПУСТЯ

Мэй,

покорно благодарю тебя за вчерашний ужин. Маркус дал мне попробовать немного, хоть ты и посадила меня на диету: живот-то достиг невероятных размеров. Но теперь, угостившись твоим ананасовым карри, никакой другой я больше есть не смогу. Пожалуй, это даже к лучшему – сэкономлю деньги, которые раньше тратил на «Дордэши»⁵. Так что передаю тебе спасибо и

⁵ «Дордэши» (англ. «DoorDash, Inc.») – американский сервис доставки еды. –

Примеч. перев.

от своего желудка, и от кошелька.

Твой Будда

Я вешаю полотенце на крючок и встаю перед зеркалом в ванной. Мысленно спорю сама с собой. Маркус уже месяц держит дистанцию. Мне хочется показать ему, что я больше не та хрупкая девчонка, которой была в спасательной будке. Я доверяю ему. Это правда. Он не Ник, и я хочу доказать ему и самой себе, что понимаю это. Может, стоит выйти из ванной голой и посмотреть, не изменит ли это ситуацию. Поймет ли Маркус мое послание: «Быть просто соседями по комнате так утомительно».

Может, тогда Напряжение – наш третий, громкий и нахальный сосед – наконец-то уберется вон из домика. Оно слишком уж хорошо устроилось здесь. Хочется верить, что отсутствие полотенца поможет от него избавиться. Но... кто знает? Два месяца назад мы не могли оторваться друг от друга – в прямом и переносном смысле. Но тогда все было по-другому. Эмоционально. Раньше было невыносимо находиться порознь, нас постоянно тянуло друг к другу, даже если расстояние было всего в несколько сантиметров. А теперь между нами пропасть, хотя домик этот очень и очень тесен.

Закрываю глаза. Нужно все же поговорить с Маркусом о чем-то, кроме забавных ситуаций на работе и планов на выходные. Хочу знать, что скрывается за стеной, которую он воздвиг между нами сразу по приезду в Сиэтл. С тех пор она окружает его, словно крепость. Интересно, не чувствует ли

он себя так же, как и я, — загнанным в угол.

В ванной становится слишком душно, жар буквально выталкивает меня в комнату к Маркусу. Но я так и не решаюсь выйти голой, в итоге остаюсь в одежде — так спокойнее. Когда я открываю дверь, за мной следом вырывается облако пара.

Маркус так и лежит на верхней койке, свесив ноги, читает книгу. Я собираю мокрые волосы в хвост и подаю голос:

— Я работаю сегодня до семи. Джерри обещал подбросить домой, так что тебе не придется за мной ехать.

Кровать скрипит. Маркус смотрит на меня, закинув руку за голову. Над его кроватью так мало места, что он почти упирается ею в потолок.

— А если я хочу тебя встретить?

Маркус улыбается. Я впиваюсь пальцами ног в ворс ковра, стараясь не пялиться слишком уж откровенно. Не хочу, чтобы Маркус прочел мои мысли. Играть с ним в гляделки — это постоянно вспоминать о том, чего у меня, может быть, уже и нет. А я хочу его так отчаянно, что голова идет кругом.

Когда утром он желает мне доброго утра, свесившись с кровати, мне хочется запустить пальцы в его растрепанные волосы. Но я не решаюсь. Мы до поздней ночи болтаем о всяких глупостях, но каждый лежит в своей постели. Я разглядываю деревянные перекладки у себя над головой, барьер между нами, и прокручиваю мысли: что будет, если подняться к нему туда? Или как сказать, чтобы он перестал ерзать, втискиваясь в узкое пространство и просто спустился

вниз? Ведь рядом со мной найдется место и для него. Когда он в душе (отделен от меня одной лишь хлипкой дверцей), приходится придумывать, чем занять себя, и избавляться от навязчивой идеи войти к нему в ванную.

Воздух в нашем домике будто наэлектризован. Но ведь нам не нужно больше прятаться. У Маркуса есть мотоцикл. Нас никто не найдет. Маркус говорил, что хочет быть рядом. Бесчисленное количество раз рассказывал, как плохо ему было во время нашего разрыва. Но его слова расходятся с поступками, и я уже не знаю, чему верить.

– Не бери в голову, – отмахиваюсь я, но наслаждаюсь его взглядом, скользящим по моей спине. Замираю: этот момент греет меня, словно лучик солнца. Я хватаю куртку и направляюсь к выходу. – Джерри все равно поедет домой. Увидимся вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.